

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(3): 1171-1178
 DOI: 10.13187/bg.2024.3.1171

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Generic Conflicts and Barymta: the Evolution of Content

Erlan E. Sailaubay ^{a, *}, Khalil B. Maslov ^a, Svetlana O. Smagulova ^b, Al'bina S. Zhanbossinova ^a

^a L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan

^b Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract

Kazakhstan's entry into the Russian Empire became a catalyst for many socio-economic processes and the transformation of the system of social institutions. The purpose of the author's research is to study the cause-and-effect relationships of tribal confrontation and the evolution of the content of the barymta institute in the boundary framework of the late XIX – early XX centuries. The administrative and territorial lines of research are limited to the Semipalatinsk province of Karkaraly county, where, within the specified chronological framework, it is possible to trace the evolution of the transition of social institutions of Kazakh society and the transformation of their content. In their research, the authors reveal the issues of social history at the junction of interdisciplinary approaches based on an empirical analysis of primary sources, archival documents deposited in the funds of Kazakh archives, published publications of travel scientists and open-access research materials, articles, monographs, collections of materials, dissertations. The authors paid special attention to the system of value orientations of the traditional Kazakh society and the evolution of social institutions in the focus of reforming regulatory and legal relations, family and hierarchical management structures. Innovations in the Kazakh steppe served as an impetus to strengthen the tribal struggle for a place in the echelon of grassroots power, determined tribal strife and barymta as a weapon of retaliation. In the new system of legal norms, the traditional institution of barymta acquired criminal content, although in the nomadic value system it was a way of protecting the honor of the clan, demonstrating the strength of the clan, and a traditional form of protecting property. The clan-hierarchical principle did not undergo any practical changes; the traditional nomadic Kazakh society adapted and «integrated» into the imperial system, preserving the patriarchal-clan institutions until the mid-20s of the twentieth century.

Keywords: Kazakhstan, aul, Russian Empire, tribal relations, social institutions, barymta, tribal confrontation.

1. Введение

Вхождение современной территории Казахстана в состав Российской империи и последующие социально-экономические реформы оказали влияние на традиционные структуры казахского сообщества. Изменения коснулись многих сфер жизнедеятельности, в том числе, административно-территориальной системы, правового поля, экономической сферы. Законодательная практика Российской империи с принятием Устава 1822 и 1824 годов, последующие реформы 60-х годов XIX века должны были унифицировать правовые нормы и социальные институты Казахстана, сохранив единичные фрагменты традиционной судебной системы с ограничением их компетенции. В новой системе правовых норм традиционный институт барымта приобрел уголовное содержание, хотя в кочевой системе ценностей это был способ защиты чести рода, демонстрация силы рода,

* Corresponding author

E-mail addresses: alashorda100@mail.ru (E.E. Sailaubay), halel_86@mail.ru (Kh.B. Maslov), adeq_s68@mail.ru (S.O. Smagulova), sovetuk@rambler.ru (A.S. Zhanbossinova)

традиционная форма защиты имущества. Родо-иерархическое начало не претерпело никаких практически изменений, традиционное кочевое казахское общество адаптировалось и «встроилось» в имперскую систему, сохранив патриархально-родовые институты.

Актуальность предложенной темы заключается в исследовании причинно-следственных связей родового противостояния и в эволюции содержания института барымта в пограничных рамках конца XIX – начала XX веков.

2. Материалы и методы

При написании статьи авторы опирались на архивные материалы, отложившиеся в фондах Центрального Государственного архива Республики Казахстан (Алматы, Казахстан), а также специального Государственного архива Министерства Внутренних дел Республики Казахстан (Алматы, Казахстан). Эмпирический анализ выявленных материалов позволил изучить административно-территориальное устройство исследуемого нами региона, Семипалатинской губернии, и определить размещение родоплеменных структур казахского общества, верифицировать персональные данные участников описываемых событий. Несомненную роль сыграли опубликованные издания ученых-исследователей путешественников, занимавшихся изучением Казахстана.

Изучение традиционного казахского общества на рубеже XIX – начала XX веков обусловило обращение к концептам социальной истории, где фокус познания смещен на социальные институты и их трансформацию, на их взаимодействие и эволюцию с логикой меняющегося мира. Методология теории модернизации вскрывает макросоциальные процессы и их влияние на качественное содержание социальных структур. Социальные институты традиционного общества претерпевали качественные изменения, меняя внутреннее содержание. Опираясь на имеющиеся маркеры типологического анализа, разработанные теорией модернизации, можно выделить два уровня социальных изменений казахского кочевого общества в указанный период. С одной стороны, мы наблюдаем адаптивные процессы мимикрии родовой элиты к новым условиям, с другой, – трансформацию содержания традиционных институтов, как родо-иерархические группы и барымта. Авторское исследование опиралось на классический методический инструментарий: эмпирический метод изучения конкретных социальных явлений и институтов; трансформацию их содержания с опорой на исторический, сравнительный и описательный методы. В том числе, системный метод позволил сформировать целостное представление об исторических событиях в указанных хронологических рамках.

3. Обсуждение

Тема, предложенная авторами, имеет широкую дискуссионную площадку. История Казахстана имперского периода представлена значительными научными разработками различного временного диапазона. Есть известные труды путешественников-исследователей: Ч. Валиханова, А. Левшина, В. Радлова и т.д. Из казахстанских исследователей следует упомянуть И. Ерофееву – знатока персональной истории казахских ханов, высочайшего специалиста новой истории Казахстана. Благодаря ее скрупулезной работе увидели свет дневники и записки российских чиновников и путешественников, посвященных истории казахской степи (Андреев, 1998; Ерофеева, 2006а; Ерофеева, 2006б).

Исследование родовых отношений и содержание барымта в фокусе действий обычного права раскрывает взаимосвязь имперской политики и эволюции социальных институтов казахской степи. Система родо-иерархических институтов занимала особое место в казахском традиционном обществе. Обращение к авторским исследованиям Ч. Валиханова и А. Левшина демонстрирует, что обычное право казахов, по сути, – право рода, родовой закон и содержание понятия барымта – не скотокрадство, не воровство и угон скота. Изначально барымта воспринималась как родовой конфликт, его содержание не вписывалось в правовые законы Российской империи. Законотворческие нормативы Российской империи ограничили «применение норм обычного права и деятельность суда биев» (Вареникова, 2016). Устав 1822 года позволял разрешать судебные дела согласно обычному праву казахов (адату), определив особо тяжкие – убийство, барымту. В частности, Ч. Валиханов в своей «Записке о судебной реформе» писал: «Уголовными преступлениями в отношении к сибирским киргизам, – гласит 1167 ст. Зак. уголов. судопр., XV т., II часть, изд. 1857 года, – считаются: измена, убийство, разбой, баранта...» (Валиханов, 1985: 77-104). Тезис А. Левшина показывает влияние последствий барымты на повседневное существование аула, вынужденного покидать родные места из-за мести ввиду наличия коллективной ответственности рода: «Месть одного частного человека другому, участие, принимаемое в оной семействами их, аулами, отделениями, даже целыми родами и возникающие из того непрерывные баранты принуждают иногда сотни кибиток оставлять обыкновенные жилища свои и для избежания преследований безвозвратно переходить на другие отдаленные места» (Левшин, 1996).

Положение С. Фукса о том, что родовые отношения следует рассматривать как коллективную ответственность за каждого члена рода подтверждает тезис А. Левшина. С. Фукс в своей работе цитирует работу М. Путинцева «Записи о киргизских законах»: «Вор, в краже изобличенный,

презирается, а отогнавший барымту почитается за человека расторопного», а также упоминает Я. Гавердовского. В описании последнего «удалец, преуспевающий в отгоне чужих стад, пользуется почетом, получает даже титул батыра», собравшего кучку сотоварищей для угона скота из богатых аулов. В завершение своего исследования С. Фукс рассматривает барымту как феодальную войну, как грабеж (Фукс, 1981: 128).

Одной из самых, на взгляд авторов, сильных в методологическом плане фундаментальных работ, затрагивающих некоторые интересующие нас вопросы по родовым отношениям и барымте, является «Российская империя в зарубежной историографии». Прекрасный авторский коллектив «Антологии» предложил иной исследовательский фокус, своего рода «дорожный указатель» – путеводитель, оригинальное прочтение имперской истории, в том числе, и ее национальных окраин (Российская империя..., 2005). Дж. Слокум отметил связь между низложением казахских ханов и присвоением их подданным статуса «инородцев» с последующим закреплением за кочевниками «Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областей» и Туркестана указанной идентификации (Российская империя..., 2005: 512-513). Термин «инородцы» озвучивал отношение и к казахам. Он связал две империи периода царской и советской России. Корень «иные» так и остался в содержании отношения к родо-иерархическим институтам казахского сообщества, сохранившимся в условиях вхождения в состав Российской империи и плавно адаптировавшимся в первое двадцатилетие XX века.

Зарубежные исследователи, как, например, В. Марти, рассматривают барымту как один из способов разрешения спора, восстановления чести рода (Марти, 2005: 360-361). Соглашаясь с мнением В. Марти, отметим, что барымта в царский и советский периоды приравнивалась к уголовному преступлению как особо тяжкой категории. При этом изменилось содержание термина «барымта», оно стало синонимом скотокрадства, воровства и родо-иерархического противостояния. В исследовании В. Марти показан мотив барымты – «личная и клановая честь» (Марти, 2005: 376-377). В нашем понимании это ожесточенная родовая борьба, тяжба, противостояние вплоть до применения крайних мер, например, убийства. Царские чиновники относили барымту к родовой расправе, что отмечено в проведенном исследовании А. Перфильева. Однако мы не можем согласиться с мнением автора о том, что ослабление ханской власти является причиной усиления барымты (Перфильев, 2010: 5-8). Вполне полагаем, что ослабление ханской власти могло стать катализатором родовых междоусобиц, подтолкнуть аулы к родовым тяжбам ввиду отсутствия сильного авторитетного правителя. В своих исследованиях А. Перфильев рассмотрел вопросы трансформации социального института барымты, провел анализ родовых конфликтов. Автор преподносит барымту как механизм урегулирования общественных отношений, как способ объединения кочевников. Согласимся, что в качестве причин межродовых конфликтов и барымты являлись экономическая нестабильность и земельный вопрос казахских кочевников (Перфильев, 2009: 280). Из казахстанских историков, затронувших исследуемые вопросы, интересно мнение Ж. Артыкбаева о том, что родовые столкновения, и в том числе барымта, «могут быть квалифицированы как структурообразующие, дисциплинирующие факторы» (Артыкбаев, 2005: 219). Адаптационные практики родоначалия и родовые конфликты описали по архивным материалам С. Смагулова (Смагулова и др., 2023) и А. Жанбосинова (Zhanbossinova, 2021). Учитывая вышеизложенные авторские мнения по содержанию термина «барымта», отметим тезис Ж. Мажитовой, тонко подметившей, что «значение термина «барымта» настолько широко, что его зачастую применяли к различным актам насильственного угона скота. По сути, это не совсем правильно, нужно отличать барымту как легальный акт захвата движимого имущества от разбоя, воровства, конокрадства. Задача непростая, если учесть, что между этими понятиями существует тонкая грань. Однако различие установить возможно» (Мажитова, 2015).

Барымта постоянно присутствовала в системе родо-иерархических отношений независимо от состояния ханской власти. Первое десятилетие органы советской власти рассматривали проблемы барымтования казахских аулов, относя их к категории уголовных преступлений. Родо-иерархические отношения регулировались системой обычного права, традиционными формами авторитетности, происхождения и экономического влияния. Ж. Джампеисова показывает, что внутри родо-иерархических отношений находились оппозиционные сегменты, порождаемые социально-экономическими условиями кочевого хозяйства (Джампеисова, 2006). Соответственно, родовые конфликты становились основой ожесточенных действий, вплоть до применения таких крайних мер, как барымта. Подтверждением тому являются исследования А. Токтабай о широком распространении в XIX веке «...среди казахов ... барымты и конокрадства» (Токтабай, Нугумарова, 2022: 611). По сути, сам факт барымты – это «насильственный захват чужого имущества (Алимбай, Смагулов, 2021: 92).

Интересное мнение об эволюции понятия и содержания барымты высказала эксперт А. Мустояпова. Барымта, по мнению автора, является универсальным институтом и важным звеном всей системы казахского обычного права. Это был способ казахской степи в борьбе с несправедливостью. Выполняемые ею функции от защиты пострадавшего до прекращения вражды без различного рода последствий в имперский период трансформировалось в простой грабеж и насилие (Мустояпова, 2020).

Проведенный краткий обзор опубликованных работ показывает наличие интересных научных исследований, затрагивающих отдельные вопросы предложенной нами темы. К сожалению, не все источники относительно ситуации с барымтой опубликованы, указывает российский историк Д. Васильев (Васильев, 2017). Автор раскрывает вопросы межродовых взаимоотношений и их эволюцию, где барымта и род – взаимосвязанные понятия, «обеление рода». «Зачастую в возмещении претензий участвовал весь родовой коллектив обидчика» (Васильев, 2017: 178).

4. Результаты

Семипалатинская область состояла из пяти уездов: Семипалатинский, Павлодарский, Усть-Каменогорский, Зайсанский и Каркаралинский. Административно-территориальное устройство казахской степи с 20-х годов XIX века, по мнению Н. Коншина, обусловило родовые казахские распри по земельному вопросу, а новые административные единицы округа, губернии, способствовали «султанским расприям» и повлекли «за собой смуту» (Среднее Прииртышье..., 2008: 73).

На примере Каркаралинского уезда и его отдельных волостей, входивших в состав Семипалатинской губернии, рассмотрим вопросы истории межродовых конфликтов и эволюцию содержания барымты. Выбранный нами уезд может стать типичным образцом имевшихся межродовых столкновений, в том числе, постоянных явлений барымты. Старшим султаном Каркаралинского уезда долгое время был Кунанбай Ускенбаев, отец известного казахского поэта, мыслителя Абая Кунанбаева. На действия Кунанбая Ускенбаева большим потоком шли жалобы «о смертоубийствах и грабежах, учиненных в течение 1851 и 1852 годов» (ЦГА РК. Ф. 3. Оп. 3. Д. 3649. Л. 325).

В своей объяснительной записке Кунанбай Ускенбаев сообщил, что в 1851 году Кучук-Тобуктинской волости «аульный старшина Байбулат Байтов и киргизцы Кайдан и Киял Мурзины, Ултай и Картабай Тыныбековы с прочими убили до смерти Сасыккару, и в 1852 году там же в Кучук-Тобуктинской волости киргизцы Байкадам и Чомирбай Байбуловы, Бокан Табалдин и Уркунбай Азбергенев с товарищами также учинили смертное убийство киргизу Чамге Карпыкову. И в этом же году ... убили киргиза Мамырбая Кабасова». В дополнение была озвучена информация о совершенной барымте казахами Кучук-Тобуктинской волости. Были ограблены несколько биев, разыскивавших вместе со своими работниками свой скот (ЦГА РК. Ф. 3. Оп. 3. Д. 3649. Л. 325-326).

По воспоминаниям современников, Кунанбай был жестким родоправителем, требуя от других соблюдения древних законов. «Пострадавшие от него... обращались с жалобами к русской власти», последняя заводила на Кунанбая следственные дела, которые впоследствии «были благополучно закрыты» (Сыдыков, 2012: 20). Все вышеупомянутые действия, совершенные в период выяснения родовых отношений, демонстрируют способы применения насилия с целью принуждения противоположной стороны удовлетворить их «законные требования». Родовое начало защищало право рода, показывало свою силу, требовало компенсацию. Проигравшая сторона отправлялась к власти, однако администрация использовала барымту в своих целях в попытке укротить обе противоборствующие стороны и насадить свое право.

Анализ документальных источников показывает, что родо-иерархические отношения сохранили свое влияние и возможности в начале XX века. Особенно ярко это выразилось в реализуемой избирательной системе (Zhanbossinova, 2021: 49-62) даже в тяжелые голодные годы (Smagulova, 2023: 160-177).

В этническом плане казахское население превалировало в Каркаралинском уезде. Судя по справке, Каркаралинским уездом управляют «кара-таяки» (дословный перевод – «черная палка»), что в простонародье обозначает европеизированную разночинную казахскую интеллигенцию. Ситуация в Каркаралинском уезде была несколько иной. Несмотря на установившуюся советскую власть, в уезде сохранялись традиции ханско-аристократического сословия торе – потомков прежних ханов. Вплоть до 1917 года, в отличие от остальных районов, торе Каркаралинского уезда сохраняли свои привилегии.

Кентская волость ранее называлась Дюсембай-Чекческой по имени двух родовых групп. При образовании Кентской волости к Дюсембай-Чекческой были присоединены части Кара-Айтимбетовской и Караул-Камбаровской волостей. В Кентскую волость вошли роды Караул, Тлеубай и Айтимбет. Последними управителями в названных волостях были Абдильда Чингисов в Дюсембай-Чекческой, Смаилхан Арыстамбеков – в Кара-Айтимбетовской и Ормахай Чингисов – в Караул-Камбаровской. Все трое – ханско-аристократического происхождения. Упомянутые волости фактически представляли собой уделы князей-торе. Имена казахских султанов и их султанаты во главе с ага-султанами сохранились в истории Каркаралинского уезда, как, например Джамантай, Кусбек, Султангазы, Кунанбай, Чалгимбай, Тулик. При султанах находились служилые люди, кочевники их называли толенгутами. На самоуправство последних были частые жалобы от казахов (Турсун, 2012). Из этого же уезда произошли такие политические деятели, как А. Букейханов и А. Ермеков.

Традиции ханско-аристократического прошлого связывают всю казахскую интеллигенцию. Последняя делится на две враждующие группы по признаку родовой принадлежности. В родовых распрах участвуют представители уездной, волостной и аульной администрации. Ожесточенная борьба между ними длится на протяжении конца XIX – начала XX вв. Особенно эта борьба

ожесточилась в 1917–1919 годах между Акпаевым и Акаевым на почве конкуренции за монополию влияния в уезде. Особо отметим, что в эту борьбу ввязалось все население уезда, независимо от этнической принадлежности. Отряды противостоящих групп составляли по 400–500 человек. Весь Каркаралинский уезд разделился, и весь его руководящий состав обвиняли в «баянаулизме». Им противостояли каркаралинцы. Участие в борьбе каркаралинской интеллигенции, сгруппировавшейся вокруг двух персоналий, Акпаева и Акаева, обострила ситуацию в уезде.

Истоки межродовой распри, перешедшей в формат межплеменных отношений в Каркаралинском уезде между киреями и найманами, уходят в 1909 год, когда со станции Аягуз было похищено 4 лошади у русского казака. В ходе поиска своих лошадей казак добрался до Дагандинской волости Каркаралинского уезда. Последние были наказы и подвергнуты наказанию судебными органами. В результате местных коллизий представители родов кирей и найман оказались в состоянии длительной конфронтации. Богач аула Мало-Аягуз Шерубай Солтанаев в целях ограждения своего скота от произвольной реквизиции укочевал в район озера Балхаш, где проживали его родственники Дагандинской волости Каркаралинского уезда. При обратной откочевке у Солтанаева отобрали часть скота и другого имущества, что стало поводом к очередному витку барымтачества. Судебная исполнительная система зафиксировала 8 крупных случаев барымты, не считая мелкие угоны скота (ЦГА РК. Ф. 5с. Оп. 8рсч. Д. 47. Л. 187). На почве контрабандных операций в пограничных линиях Каркаралинского и Лепсинского уезда в период гражданского противостояния и безвластия в казахской степи разыгралась крупная барымтовая битва. В ходе ее были не только кражи и угон скота, но и убийства на почве мести. Несмотря на полученный кун найманами, «барантачество продолжалось до 1926 года..., завершившись угоном 80-ю голов коров керейскими родами от найман» (ЦГА РК. Ф. 5с. Оп. 8рсч. Д. 47. Л. 188).

Таким образом, перманентное состояние барымтачества в Каркаралинском уезде усиливалось по мере обострения родового противостояния. Социально-экономические и политические коллизии начала XX века оказали влияние на содержание родового противостояния, барымта стала инструментом в борьбе за власть. Аналогом Каркаралинской ситуации можно считать родовую группировку во главе с Тобониязом Алниязовым, который с целью расширения своего «ханства» собрал трехтысячный отряд джигитов. Они совершали скотокрадство и насилие. При Алниязове в Адае на почве деления ограбленного с участием милиционеров в угоне скота произошел родовый конфликт (СГА ДП г. Алматы. Ф. 1. Оп. 1. Наблюдательное дело № 2098. Л. 1–127).

5. Заключение

Родо-иерархические структуры в период конца XIX – начала XX вв., с одной стороны, переживали трансформацию, а с другой, – эволюционировали, меняя содержание и адаптируясь под условия времени. Барымтачество возникало из-за конфликтов и неурядиц между баями, родоправителями, султанами на почве гражданских взаимоотношений и родовых конфликтов. В них в большей степени страдало бедняцкое население. Родовые авторитеты так или иначе всегда добивались компенсации по утерянному имуществу через авторитетных аксакалов, принуждали аул к ответной барымте. Следует учитывать, что кочевой образ жизни и удаленность кочевий друг от друга не позволяли властям постоянно контролировать административные территории. Однако указанный факт не мешал им использовать барымту как инструмент политического и экономического давления, что происходило в моменты проведения выборов в низовые органы власти в казахском ауле или волости. В период обострения экономической ситуации и продовольственного кризиса барымта становилась источником и средством существования, что трансформировало барымтачей из статуса борцов за справедливость в статус бандитов, разбойников, контрабандистов.

6. Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта по гранту Комитета науки Министерства высшего образования и науки Республики Казахстан ИРН АР14869309.

Литература

- Андреев, 1998 – Андреев И. Описание средней орды киргиз-кайсаков. Сост. И. Ерофеева. Алматы: Ғылым, 1998. 280 с.
- Артыкбаев, 2005 – Артыкбаев Ж. Кочевники Евразии (в калейдоскопе веков и тысячелетий). СПб.: Мажор, 2005. 320 с.
- Валиханов, 1985 – Валиханов Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Том 4. Алма-Ата, 1985. С. 77–104.
- Вареникова, 2016 – Вареникова С. Казахское обычное право и судопроизводство биев // *Lex Russica*. 2016. №8(117). С. 168–177.
- Васильев, 2017 – Васильев Д. Организация административного управления в Казахской степи: государственная политика и региональные практики (XVIII – первая половина XIX в.). М., 2017. 605 с.
- Джампеисова, 2006 – Джампеисова Ж. Казахское общество и право в пореформенной степи. Астана: ЕНУ, 2006. 269 с.

Ерофеева, 2006a – *Ерофеева И.* Сведения о казахском народе и Казахстане в российских летописных и дипломатических источниках XVII – первой трети XVIII века. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. 178 с.

Ерофеева, 2006b – *Ерофеева И.* История Казахстана в западных источниках. Алматы: Санат, 2006. 408 с.

Левшин, 1996 – *Левшин А.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы, 1996. 656 с.

Мажитова, 2015 – *Мажитова Ж.* Разработка теоретико-методологических подходов в дореволюционной историографии института биев // *Научный диалог*. 2015. № 12 (48). С. 291-302.

Марти, 2005 – *Марти В.* Барымта: Обычай в глазах кочевников, преступление в глазах империи // *Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология*. М.: Новое издательство, 2005. С. 360-361.

Мустоянова, 2020 – *Мустоянова А.* Оклеветанная барымта – институт медиации кочевников. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.old.exclusive.kz/expertiza/obshhestvo/121994/20.11.2020>

Перфильев, 2010 – *Перфильев А.* Политика Российской империи по урегулированию межродовых конфликтов казахов младшего и среднего жузов // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2010. №3(11). С. 5-8.

Перфильев, 2009 – *Перфильев А.* Родоплеменной фактор в политической борьбе в Младшем казахском жузе в первой четверти XIX в. / *История идей и история общества: Материалы VII Всероссийской науч.конф.* Нижневартовск, 2009. С. 279-283.

Российская империя..., 2005 – *Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология*. М.: Новое издательство, 2005. 696 с.

СГА ДП г. Алматы – Специальный Государственный архив Департамента полиции г. Алматы.

Среднее Прииртышье..., 2008 – Среднее Прииртышье в источниках и материалах. Сборник документов и материалов (XV в. – нач. XX в). В 2-х т. Павлодар: Кереку, 2008. 220 с.

Сыдыков, 2012 – *Сыдыков Е.* Шакарим. Москва: Молодая гвардия, 2012. 368 с.

Смагулова и др., 2023 – *Смагулова С., Сайлаубай Е., Маслов Х.* Қазақ ауылындағы аштық және оған бейімделу тәжірибесі // *Вестник ЕНУ им. Л.Гумилева Серия: Исторические науки. Философия. Религиоведение*. 2023. Т.145. No.4. С. 160-177.

Турсун, 2012 – *Турсун Х.* История деятельности казахской родовой знати в политических процессах Туркестана // *Вестник КазНУ: Серия историческая*. Т. 2. № 58. Алматы, 2012. С. 96-104.

Токтабай, Нугумарова, 2022 – *Токтабай А., Нугумарова А.* Проблемы казахского коневодства в трудах исследователей Российской империи // *Bylye Gody*. 2022. 17(2). Р. 604-620.

Фукс, 1981 – *Фукс С.* Обычное право казахов в XVIII – первой половине XIX века. Алма-Ата, 1981. 224 с.

ЦГА – Центральный Государственный архив Республики Казахстан

Alimbay, Smagulov, 2021 – *Alimbay N., Smagulov B.* Contribution of Russian Researchers in the Collection and Study of Materials on the Customary Law of the Kazakhs (late 18th – early 20th centuries // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 85-96.

Toktabay, Nugumarova, 2022 – *Toktabay A., Nugumarova A.* Problems of Kazakh Horse Breeding in the Works of Researchers of the Russian Empire // *Bylye Gody*. 2022. 17(2): 604-620.

Zhanbossinova, 2021 – *Zhanbossinova A.* Kazakh nomads: the road to socialism // *Bulletin of L.N. Gumilyov Eurasian National University. Historical Sciences. Philosophy. Religion Series*. 2021. Vol.134. No.1. Pp. 49-62.

References

Andreev, 1998 – *Andreev, I.* (1998). Opisanie srednei ordy kirgiz-kaisakov [Description of the middle horde of the Kirghiz-Kaysaks]. Sost. I. Erofeeva. Almaty: Gylym, 280 p. [in Russian]

Artykbaev, 2005 – *Artykbaev, Zh.* (2005). Kochevniki Evrazii (v kaleidoskope vekov i tysyacheletii) [The nomads of Eurasia (in a kaleidoscope of centuries and millennia)]. SPb.: Mazhor, 320 p. [in Russian]

Dzhampeisova, 2006 – *Dzhampeisova, Zh.* (2006). Kazakhskoe obshchestvo i pravo v poreformennoi stepi [Kazakh Society and Law in the Post-Reform Steppe]. Astana: ENU, 269 p. [in Russian]

Erofeeva, 2006a – *Erofeeva, I.* (2006). Svedeniya o kazakhskom narode i Kazakhstane v rossiiskikh letopisnykh i diplomaticheskikh istochnikakh XVII-pervoi treti XVIII veka [Information about the Kazakh people and Kazakhstan in Russian chronicle and diplomatic sources of the XVII – first third of the XVIII centuries]. Almaty: Daik-Press, 178 p. [in Russian]

Erofeeva, 2006b – *Erofeeva, I.* (2006). Istoriya Kazakhstana v zapadnykh istochnikakh [The history of Kazakhstan in Western sources]. Almaty: Sanat, 408 p. [in Russian]

Fuks, 1981 – *Fuks, S.* (1981). Obychnoe pravo kazakhov v XVIII – pervoi polovine XIX veka [The customary law of the Kazakhs in the XVIII – first half of the XIX century]. Alma-Ata, 224 p. [in Russian]

Levshin, 1996 – *Levshin, A.* (1996). Opisanie kirgiz-kazach'ikh, ili kirgiz-kaisatskikh, ord i stepei [Description of the Kirghiz-Cossack, or Kirghiz-Kaysak, hordes and steppes]. Almaty, 656 p. [in Russian]

Marti, 2005 – *Marti, V.* (2005). Barymta: Obychai v glazakh kochevnikov, prestuplenie v glazakh imperii [Barymta: Custom in the eyes of nomads, crime in the eyes of the Empire]. *Rossiiskaya imperiya v zarubezhnoi istoriografii. Raboty poslednikh let: Antologiya*. M.: Novoe izdatel'stvo. Pp. 360-361. [in Russian]

Mazhitova, 2015 – *Mazhitova, Zh.S.* (2015). Razrabotka teoretiko-metodologicheskikh podkhodov v dorevolyutsionnoi istoriografii instituta biev [Development of theoretical and methodological approaches in the pre-revolutionary historiography of the Biev Institute]. *Nauchnyi dialog*. 12(48): 291-302. [in Russian]

Mustoyatova, 2020 – *Mustoyapova, A.* (2020). Oklevetannaya barymta – institut mediatsii kochevnikov [Maligned barymta – Institute of Mediation of Nomads]. [Electronic resource]. URL: <https://www.old.exclusive.kz/expertiza/obshhestvo/121994/20.11.2020> [in Russian]

Perfil'ev, 2009 – *Perfil'ev, A.* (2009). Rodoplennoi faktor v politicheskoi bor'be v Mladshem kazakhskom zhuzhe v pervoi chetverti XIX v. [The tribal factor in the political struggle in the Younger Kazakh zhuz in the first quarter of the XIX century]. *Istoriya idei i istoriya obshchestva: Materialy VII Vserossiiskoi nauch.konf. Nizhnevartovsk*. Pp. 279-283. [in Russian]

Perfil'ev, 2010 – *Perfil'ev, A.* (2010). Politika Rossiiskoi imperii po uregulirovaniyu mezhrodovyykh konfliktov kazakhov mladshogo i srednego zhuzov [The policy of the Russian Empire on the regulation of intergenerational conflicts of Kazakhs of the younger and middle Zhuzes]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 3(11): 5-8. [in Russian]

Rossiiskaya imperiya..., 2005 – *Rossiiskaya imperiya v zarubezhnoi istoriografii* [The Russian Empire in foreign historiography]. *Raboty poslednikh let: Antologiya*. M.: Novoe izdatel'stvo, 2005. 696 p. [in Russian]

SGA DP g. Almaty – Spetsial'nyi Gosudarstvennyi arkhiv Departamenta politsii g. Almaty [Special State Archive of the Almaty Police Department] [in Russian]

Smagulova et al., 2023 – *Smagulova, S., Sailaubay, Y., Maslov, Kh.* (2023). Kazakh auylyndagy ashtyk jane ogan beiimdelu tajiribesi [Hunger and adaptation practices of the Kazakh village]. *Bulletin of the L.N. Gumilyov ENU. Historical sciences. Philosophy. Religion Series*. 145(4): 160-177. [in Kazakh]

Srednee Priirtysh'e..., 2008 – *Srednee Priirtysh'e v istochnikakh i materialakh*. Sbornik dokumentov i materialov (XV v. – nach. XX v) [Average Irtysh in sources and materials. Collection of documents and materials (XV century – beginning XX c)]. V 2-kh t. Pavlodar: Kereku, 2008. 220 p. [in Russian]

Sydykov, 2012 – *Sydykov, E.* (2012). *Shakarim*. Moskva: Molodaya gvardiya, 368 p. [in Russian]

Toktabay, Nugumarova, 2022 – *Toktabay, A., Nugumarova, A.* (2022). Problems of Kazakh Horse Breeding in the Works of Researchers of the Russian Empire. *Bylye Gody*. 17(2): 604-620.

TsGA – Tsentral'nyi Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].

Tursun, 2012 – *Tursun, Kh.* (2012). Istoriya deyatel'nosti kazakhskoi rodovoi znati v politicheskikh protsessakh Turkestana [The History of the activity of the Kazakh ancestral nobility in the political processes of Turkestan]. *Vestnik KazNU: Seriya istoricheskaya*. 2(58): 96-104. [in Russian]

Valikhanov, 1985 – *Valikhanov, Ch.* (1985). *Sobranie sochinenii v pyati tomakh* [Collected works in five volumes]. T. 4. Alma-Ata. Pp. 77-104. [in Russian]

Varenikova, 2016 – *Varenikova, S.* (2016). Kazakhskoe obychnoe pravo i sudoproizvodstvo biev [Kazakh customary law and judicial proceedings biev]. *Lex Russica*. 8(117): 168-177. [in Russian]

Vasil'ev, 2017 – *Vasil'ev, D.* (2017). Organizatsiya administrativnogo upravleniya v Kazakhskoi stepi: gosudarstvennaya politika i regional'nye praktiki (XVIII – pervaya polovina XIX v.) [Organization of administrative management in the Kazakh Steppe: state policy and regional practices (XVIII – first half of the XIX century)]. M., 605 p. [in Russian]

Zhanbossinova, 2021 – *Zhanbossinova, A.* (2021). Kazakh nomads: the road to socialism. *Bulletin of L.N. Gumilyov Eurasian National University. Historical Sciences. Philosophy. Religion Series*. 134(1): 49-62.

Родовые конфликты и барымта: эволюция содержания

Ерлан Ерназарұлы Сайлаубай^{a, *}, Халил Борисович Маслов^a, Светлана Одеповна Смагулова^b, Жанбосинова Альбина Советовна^a

^a Евразийский Национальный университет им. Л. Гумилева, Астана, Республика Казахстан

^b Казахский Национальный педагогический университет им. Абая, Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. Вхождение Казахстана в состав Российской империи стало катализатором многих социально-экономических процессов и трансформации системы социальных институтов. Цель авторского изыскания – исследование причинно-следственных связей родового противостояния и

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: alashorda100@mail.ru (Е. Сайлаубай), halel_86@mail.ru (Х. Маслов), adep_s68@mail.ru (С. Смагулова), sovetuk@rambler.ru (А. Жанбосинова)

эволюции содержания института барымты в пограничных рамках конца XIX – начала XX вв. Административно-территориальные линии исследования ограничиваются Семипалатинской губернией, а именно Каркаралинским уездом, где в указанных хронологических рамках можно проследить эволюцию перехода социальных институтов казахского общества и трансформацию их содержания. Авторы в своем исследовании раскрывают вопросы социальной истории на стыке междисциплинарных подходов на основе эмпирического анализа первоисточников, архивных документов, отложившихся в фондах казахстанских архивов, опубликованных изданий ученых-путешественников и научно-исследовательских материалов открытого доступа. Особое внимание авторы уделили системе ценностных ориентиров традиционного казахского общества и эволюции социальных институтов в фокусе реформирования нормативно-правовых отношений, родо-иерархических структур управления. Нововведения в казахской степи послужили толчком к усилению родоплеменной борьбы за место в эшелоне низовой власти, детерминировали родовые распри и барымту как оружие возмездия. В новой системе правовых норм традиционный институт барымта приобрел уголовное содержание, хотя в кочевой системе ценностей это был способ защиты чести рода, демонстрация силы рода, традиционная форма защиты имущества. Родо-иерархическое начало не претерпело никаких практически изменений, традиционное кочевое казахское общество адаптировалось и встроилось в имперскую систему, сохранив патриархально-родовые институты вплоть до середины 20-х годов XX века.

Ключевые слова: Казахстан, аул, Российская империя, родовые отношения, социальные институты, барымта, родовое противостояние.